

Элина Цветкова

ПЕРЕВОРАЧИВАЯ

СТРАНИЦУ

Элина Цветкова

Переворачивая страницу

«Пробел-2000»

2009

УДК 821.161.1-1Цветкова
ББК 84(2Рос+Рус)6-5

Цветкова Э. В.

Переворачивая страницу / Э. В. Цветкова — «Пробел-2000»,
2009

ISBN 978-5-98604-159-9

«Всю свою жизнь стремясь к совершенству, я все же рискнула издать эту книгу, оставив ее несовершенной, незавершенной, непоследовательной, шероховатой, встрепанной, быть может, немного неряшливой. Но зато – живой, спонтанной. Я не вносила значительные исправления в старые тексты, боясь убить в них естественность, непосредственность, возможно, наивность, их юношескую неловкость, неуклюжесть, угловатость, но и определенную грацию. Пусть такими они и остаются...»

УДК 821.161.1-1Цветкова
ББК 84(2Рос+Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-159-9

© Цветкова Э. В., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

От автора	7
«В жизни все держится силой привычки...»	8
«Переписываться стоит только с умным...»	9
Впечатления	10
Зарисовка бессонной ночи	11
Навеянное северным морем	12
1	12
2	13
«Томление вдруг вылилось стихами...»	14
«Твои глаза живительную влагу...»	15
«Как трудно рвать стихи...»	16
«Отсутствие стиля, возможно...»	17
Двое	18
«Я нуждалась просто в любви...»	19
1	19
2	20
«Моя кровь стучит в твоих висках...»	21
Постельные эскизы	22
1	22
2	23
3	24
«Я всякий раз в твоих глазах встречаю...»	25
«Годы идут. А я все на том же месте...»	26
«Моего лучшего друга не стало...»	27
«Если раскинуть руки...»	28
Память	29
Счастье	30
Время	31
Твои руки	32
Звонок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Элина Цветкова

Переворачивая страницу

© Цветкова Э.В., 2009

* * *

От автора

Всю свою жизнь стремясь к совершенству, я все же рискнула издать эту книгу, оставив ее несовершенной, незавершенной, непоследовательной, шероховатой, встрепанной, быть может, немного неряшливой.

Но зато – живой, спонтанной.

Я не вносила значительные исправления в старые тексты, боясь убить в них естественность, непосредственность, возможно, наивность, их юношескую неловкость, неуклюжесть, угловатость, но и определенную грацию.

Пусть такими они и остаются.

«В жизни все держится силой привычки...»

В жизни все держится силой привычки.
Спим, едим, любим,
ходим на работу, радуемся
мелким радостям,
просыпаемся по утрам.
Старость казалась мне
привычкой жить.
Теперь мне 19, а я уже
живу по привычке. Может,
это уже старость.

1985

«Переписываться стоит только с умным...»

Переписываться стоит только с умным,
спать можно и с дураком,
любить можно того и другого,
но лучше никого не любить –
пусть любят сами.

Переписка с умным бывает скучной,
спать с дураком бывает скучно,
любить кого-то порою скучно,
никого не любить тоже невесело.
Скука правит миром.

Попробую так: переписываться с дураком,
спать только с умным,
любить обоих, но чтобы они не любили.
Жизнь становится бессмысленной.
В бессмысленности тоже скука.

30 апреля 1990

Впечатления

На небе множество ярких звезд, одна из которых стремительно движется.

В детстве меня часто ломали.
Принимались делать что-либо и бросали,
так и не вылепив ничего окончательного.

Я не стала распутной, но навсегда утратила представление о праведности.

Не умею держать себя в обществе, но ненавижу дурные манеры.

«У Вас чудесные волосы». Слышу, но не поворачиваю голову. Если фраза и относится ко мне, меня это все равно не касается.

Выбирая между пачкой «Мальборо» и конфетой, предпочитаю шоколадку. В этом сказывается некоторая инфантильность.

Люблю бесконечные дороги, с длинным рядом электрических фонарей, всегда одних и тех же. Создается впечатление, что жизнь еще не кончена.

Курица, бегущая от петуха и думающая, не слишком ли быстро бежит, понятна мне лишь отчасти.

Все звуки, кроме собственных шагов, кажутся сегодня странно неестественными.

Думаю, даже смерть не сумеет мне придать определенную завершенность.

11 мая 1991

Зарисовка бессонной ночи

В который раз устала от зимы.
И снова слякоть. Улицы не чистят.
Противно моросит, и сырость,
не став туманом, осердясь за это,
проходит в мозг и размягчает волю.
Желаний нет. Стремлений тоже нет.

Желток – не просто часть яйца.
Не просто будущий цыпленок.
Такие мысли без конца
приходят в голову спросонок.

Не спится. До рассвета далеко.
До утра тоже. В это время года
светает поздно. Утро и рассвет
разнятся. И разительно разнятся.
Так – утро начинается с тоски.
Рассвет приходит позже и стирает
и скорбь, и предрассветную печаль.

3 февраля 1992

Навеянное северным морем

1

Тем, кто в Крыму

Лишь полная луна соединяет
меня с тобой, стократно повторившись
на набережной в круглых фонарях,
поставленных попарно, одиноких
на это несмотря, порой пугает
их одиночество вдвоем, и мне приятней,
когда один из них перегорел;
у северного моря в государстве,
где до сих пор присутствует монарх,
вернее, нынче правит королева,
ее здесь любят, это поражает,
как честность в бизнесе, уже который век
здесь принятая; лунная дорожка,
да лунность ночи, лунность фонарей
мне о тебе теперь напоминают;
ты тоже видишь море, но иное,
и звезды, не похожие на те,
что слабо мне мерцают, гор здесь нет,
здесь ночь иная, и иной рассвет,
туман совсем не тот, но чайки – те же.
Припоминаю горную гряду
и профили людские, так весомо
отображенные на камне, без усилий
и помощи людей; припоминаю
все чувства: сопричастность, совершенство,
событие и созданность, а также
немой восторг, немое изумленье,
что этих исполинов и меня
создал один Творец.
Порой мне кажется кощунственно, что это
невозможно.

2

Собака стремительно облизала мое лицо,
обдав при этом зловонным дыханием.
Брезгливость пересилила во мне ответный порыв.
Только она, собака, казалось, рада мне.
Люди же были совершенно равнодушны.
Не считая, конечно, традиционного,
чуть нетерпеливого гостеприимства.
Я шла по дороге, ощущая абсолютное одиночество.
Лишь солнце и ветер были ласковы со мной.
Ведь это ошибка, что солнце светит всем –
оно светит каждому. А ветер меня, именно меня
брал в свои ненадежные, ветреные объятия.
Море же было совершенно безразлично.
О, оно умеет быть отрешенным,
это теплое теперь, но все же северное море.
Его не назовешь спокойным, тихим,
однако, бешенство его
столь же безлично, как и его спокойствие.
Может, я просто никому не позволяю себя любить
кроме солнца и ветра.

11 августа 1995 Friesland

«Томление вдруг вылилось стихами...»

Томление вдруг вылилось стихами,
которые записываю чуть ли
не на бегу, едва ли сознавая,
что вывела сейчас моя рука
в банальной и запачканной тетрадке.
Стихи не пишут так.
Им подобает
лишь чистая бумага, на которой
пролитая слеза не превратится
в бесформенное мокрое пятно,
но сохраняет форму капли, с отраженьем
души того, кому она принадлежит.

27 июня 1997

«Твои глаза живительную влагу...»

Твои глаза живительную влагу
сдержать пытаются в угоду ложной мысли,
что слезы лить в присутствии других
позорно или просто неприлично.
Молчи и плачь. Не ради облегченья
сочувствия и жалости, но ради
надрывной радости, которую слеза,
вплетя в страданье, странно превращает
в извечную печаль твоей души,
и скорби, что запрятана обычно
настолько глубоко в твоих зрачках,
что выйти может только со слезами,
попутно отразив недоуменье,
листву и небо, горы, чайку, мыс и прочее.
Молчи и плачь.

27 июня 1997

«Как трудно рвать стихи...»

Как трудно рвать стихи.
Нет, кроме шуток трудно.
Прозрачная и тонкая бумага
скрепляется стихами как броней.
Когда я рву ее, то слышу скрежет,
как будто гну металл. И в этом мнится
какой-то странный, потаенный смысл.
Что крепче слова? Ничего, пожалуй.
Нет, все-таки, – молчанья глубина.

29 июня 1997

«Отсутствие стиля, возможно...»

Г. В.

Отсутствие стиля, возможно,
является стилем. Возможно,
ты верен себе, а возможно,
ты каждый раз новый. Возможно,
тебя я люблю. Невозможно
лишь только одно. Невозможно
навек остаться с тобой.

22 сентября 1997

Двое

Телефон молчит.
Словно ему перерезали горло.
А мне – вены.
Мы медленно истекаем кровью.
Мы рядом, но не можем наблюдать
за агонией друг друга.
Он – потому что не умеет смотреть.
Я – оттого, что он слишком хорошо
научился скрывать свои чувства.
Не знаю, жив ли он еще
или я уже в абсолютном одиночестве.
Чтобы это узнать,
достаточно просто поднять трубку.
Но этого-то мне не сделать
никакими силами.
Вероятнее всего,
это он в полном одиночестве.
Думаю, только он из нас двоих
пока еще жив.

21 ноября 1997

«Я нуждалась просто в любви...»

1

Я нуждалась просто в любви
ты нуждался только в моей
мне любой подойдет другой
а тебе подхожу только я
для меня открыт целый мир
для тебя лишь мои глаза
если верить твоим стихам
значат все и больше ничьи
я уеду в другую страну
где тебя смогу позабыть
ты останешься верен мне
и никто не заменит меня
я хотела единственной быть
но как страшно на деле стать
для тебя всем миром вокруг...

2

Ты боишься меня потерять
хоть не знаешь что я уйду
понемногу начну уходить
а потом оставлю лишь блики
в каменистых твоих глазах
ты меня непременно увидишь
когда помотришь на солнце
я тебя от лучей сберегу
и ты никогда не ослепнешь
ты глаза широко раскроешь
будешь ими смотреть на мир
в мире этом не будет меня
и я этим миром не буду...

20 декабря 1997

«Моя кровь стучит в твоих висках...»

Моя кровь стучит в твоих висках;
обхватив свое запястье, я считаю твой пульс;
наши сердца схожи как две снежинки
и также холодны;
мы так далеки,
что даже когда прикасаемся друг к другу,
между нами версты.

15 марта 1998

Постельные эскизы

1

Моя постель в сиреневых тонах
на ней белеет славный медвежонок
и в голубых полосочках тетрадь
на мишке бант весь розовый роскошный
и белый кружевной воротничок
на стенах серые обои все в тенях
и лишь моя рука неясного оттенка
да черная тоска в моей душе

2

Моя постель в коричневых тонах
на ней все тот же белый медвежонок
моих ночных бессонниц верный друг
в коричневых цветах второе одеяло
все скомканное – в комнате тепло
синеет кофточка на дверце шкафа
а может отдает голубизной
в тон с синими цветами одеяла
сегодня все в чудесном сочетанье
а на моей руке живой лишь шрам

3

Моя постель зеленого оттенка
темнее пыльного осеннего листа
который чудом сохраняет цвет
насыщенный чуть выцветший за лето
зеленый колпачок на желтой ручке
светлей немного первую траву
да первую листву напоминает
рукав моей пижамы тоже желтый
отчасти приглушенной и теплой
к тому же весь пушистый по-цыплячьи
а на плече опять зеленый цвет
как будто переходит в голубое
но все же оставляет за собой
к зеленому прямую принадлежность
итак два цвета желтый и зеленый
обветренные руки тот же шрам
неясный цвет и неживая блеклость
они к тому ж сегодня неподвижны
но как изящны тонки и легки

январь 1998

«Я всякий раз в твоих глазах встречаю...»

G.V.

Я всякий раз в твоих глазах встречаю
немой вопрос, немое изумленье,
когда их обращаешь на меня.
Что вызывает эти чувства? Поза,
невольно наводящая на мысль
о близости моей с одним мужчиной,
мой слишком гордый, слишком дерзкий вид,
моя ранимость, что видна тебе,
но скрытая от прочих по причине
их невнимания, вернее – безразличья?
Ты видишь все. И много понимаешь.
Возможно, слишком много. Оттого
в твоих глазах сквозит недоуменье,
когда их обращаешь на меня.

7 января 2000

«Годы идут. А я все на том же месте...»

Годы идут. А я все на том же месте.
Возможно, они меня обтекают.
Или проходят насквозь.

10 июля 2005

«Моего лучшего друга не стало...»

Моего лучшего друга не стало
три с половиной года назад.
Я узнала об этом только сегодня
в день его рождения.
Так уж сложилась судьба.
Или же это мы сами
что-то недоглядели в жизни.
По крайней мере,
еще более трех лет
он был для меня живым.

1 июля 2007

«Если раскинуть руки...»

Если раскинуть руки
и обхватить пустоту –
рук просто не хватит.
Пустота так огромна,
так безгранична
и всеобъемлюща.
Она сама способна
обхватить меня,
мои руки и все,
что я могла бы
в них держать.
Могла бы, но не могу.
Потому что мои руки
заняты пустотой.

15 февраля 2007

Память

Память покрывается плесенью.

Ее затягивает паутина.

Она – память – старый трухлявый шкаф.

Шкаф, в котором свалено всякое барахло, но в котором, впрочем, встречаются исключительно важные вещи.

Так, в укромном уголке, среди рецептов на какие-то лекарства и театральные афиш, лежит моя любовь. Ей тесно.

Изредка тот или иной предмет выпадает из шкафа, разбивается, и осколки больно ранят. Их трудно собрать, эти осколки.

А еще в этом шкафу нелегко найти нужную вещь, когда она действительно понадобится. Например, оправдание людям, которые тебя обидели.

Не ты одна пользуешься шкафом. Знакомые, да и посторонние, частенько запихивают в него ненужное старье или вытаскивают что-нибудь твое и долго перетрясают.

Порой мне кажется, что даже когда я умру, шкаф, весь в плесени и паутине, так и останется стоять посреди пустыря.

25 января 1987

Счастье

В твоих зеленых, серых, карих глазах точно камешки на дне чистого ручья. Мое счастье. Ты закрываешь глаза. Прячешь его. Далекое. Страшно невысказанное. Мне хочется отобрать его. Отделить от тебя. Самой стать свободной от тебя. Свободной и счастливой.

Но ты не открываешь глаза. Словно боишься расплескать его. Растерять. Отдать мне.

Целую твои глаза. Пытаюсь почувствовать его сквозь непрозрачные веки. Отстраняюсь. Всматриваюсь настороженно. Стараюсь разглядеть его в этой недоступной, непостижимой глубине.

Жду, что вот сейчас оно (переворачиваю страницу) скатится в мои руки с твоих вздрагивающих ресниц. Не скатилось.

Оно мое. Оно в тебе. Неотделимо от тебя. Неподвластно мне. Боюсь его потерять. Мое счастье.

5 апреля 1987

Время

Время растянулось. Что-то с ним случилось. Остановилось.

Пытаюсь его подтолкнуть – стоит. Пинаю – не двигается с места. Раздражаюсь. Становлюсь с ним грубой. Оно не сердится. Ему безразлично.

Зло обращается в меня. Бросаю его. Набиваю голову мыслями. Они расползаются как желтки, не успевшие стать цыплятами.

Пытаюсь сама двигаться по времени. Оно вязкое и плотное. Обхватывает меня липко.

Мысли возвращаются. Тоже вязкие и липкие. О прошлом. Сколько было гадости. Плыву. Желтая роза. Откуда? Зачем? Проплыла. Афиша театральная. Кухня. Не надо. Больно. Проплыли. А это что? Постой. Проплыло.

Мой горизонт. Мой горизонт – эта ночь. Краткая смерть до утра. А вообще смерть, что она? Берег? Нет. Там, за ней, тоже жидкость времени. Вязкая и липкая, как вода зацветшего озера. А может быть, стремительный поток. Все как в жизни.

Когда время идет быстро – мыслей нет. Видимо, их вымывает.

Страстная седмица 1987

Твои руки

Твои руки знают мое тело. Они знают его под любой одеждой. Твои руки лепят мое тело. Я – глина. Податливая, чуткая. Выгибаюсь. Принимаю любую форму под твоими руками. Умелыми. Страшными своею мудростью.

Под твоими руками во мне нет мыслей. Нет чувств. Я – тело. И лишь порой замираю. Теряю гибкость, податливость. Каменею. Это случается, когда разум мой вдруг сознает, что ты чувствуешь только тело. Что ты не способен постигнуть души моей. Не способен. Да и не желаешь. Тогда-то душа моя и начинает в тоске метаться среди окаменелых мышц, костей и жил, сконструированных волею Создателя весьма изящно.

Твои руки знают мое тело. Они, твои руки, никогда не бывают холодными. Не бывают они и горячими. Они всегда обветренны. Я знаю их, твои руки. Я люблю их, твои руки. Я буду помнить их, только их всю жизнь.

А в голове крутится фраза, которая не ляжет ни в одно стихотворение:

Каменистое дно твоих глаз.

апрель 1987

Звонок

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.